

ВОСПОМИНАНИЯ

П. К. Волгин,
бывший начальник штаба партизанских отрядов Сучанского района.

ДВА ЭТАПА

Еще ребенком я был свидетелем самоотверженной борьбы старшего поколения за дело рабочих и крестьян. И хотя с тех пор прошло более пятидесяти лет, в моей памяти запечатлелись многие яркие примеры этой городской борьбы.

Помню декабрьский вечер 1905 года, протяжные заводские гудки, зовущие рабочих Енакиевского металлургического завода в Донбассе к всеобщей забастовке и оказанию помощи рабочим Горловки, поднявшим вооруженное восстание.

Помню тихое раннее утро Первого мая 1907 года. На высоких заводских трубах, освещаемых лучами весеннего солнца, развеваются большие алые полотнища. Накануне ночью их водрузили рабочие завода. На улицах толпы народа.

Полиция и жандармерия беснуются, но снять красные флаги не могут — высоко, да и верхние скобы на трубах подпилены. Праздновать Первое мая рабочие с семьями отправились в небольшой лес, где, расположившись на траве, закусывали, а затем проводили короткие митинги, исполголоса пели революционные песни.

В эти годы в доме моего отца была конспиративная квартира Енакиевской организации РСДРП, членом которой он состоял с 1904 года. Приходил к нам молодой

человек по фамилии Семешко, ставил на плиту небольшой продолговатый из белой жести противень, лил в него глицерин, бросал тонкие листки желатина и, когда желатин растворялся, охлаждал это варево. Образовывался светло-желтого цвета прозрачный студень, на который он затем клал узкий лист бумаги с жирно написанным химическими чернилами текстом и некоторое время прокатывал его металлическим валиком. На студне оставался отпечаток текста, который затем переносился на чистые листки бумаги. Так печатались листовки Енакиевской организации РСДРП.

Однажды к нам на квартиру был приведен небольшого роста, с бледным, изможденным лицом человек, который с трудом передвигался. Через несколько дней его увезли. Позже я узнал, что это был революционер, который совершил побег из Луганской тюремной больницы и был ранен часовыми.

Летом 1909 года пришел незнакомый человек с вещами, стянутыми дорожными ремнями; так как отца дома не было, он оставил свои вещи и ушел. Через 2—3 часа после его ухода наш дом был окружен конными и пешими жандармами. Вскоре пришел отец. Начался обыск, который продолжался несколько часов. Всю верхнюю одежду, особенно одежду отца, жандармы прощупывали с особой тщательностью, прочитывали все письма, перелистывали все книги, просматривали всю скудную мебель, постель, стучали в стены.

После безрезультатного обыска жандармы арестовали отца. Впоследствии отец рассказывал, что Екатеринославская организация РСДРП(б) готовила партийную конференцию, в связи с этим в Енакиево и был послан товарищ, которому была указана наша явочная квартира. За подпольщиком, видимо, установили слежку. Шпик следил за ним до самого нашего дома. По счастливой случайности, отца дома не оказалось, и приехавший товарищ, оставив дорожные вещи, ушел. Жандармы, получив донесение шпиона, рассчитывали раскрыть и разгромить Енакиевскую организацию РСДРП(б), но опоздали, и операция не удалась.

Об аресте отца я в тот же вечер сообщил членам подпольной организации: рабочему заводу Ветренко, девушке по имени Аня, а также билетеру и расклейщику афиш кинотеатра Шепшелю. Этих людей я знал, потому что

они периодически бывали у нас на квартире, в свою очередь я бывал у них с различными поручениями отца. Мое сообщение дало возможность членам организации быть настороже.

На другой день дед повел меня в сарай, вынул из-под порога несколько кирпичей и, запустив руку, вытащил гектограф, разные документы, бланки, типографский шрифт, газеты, книги и круглую печать. Мы с дедом все это уничтожили. После ареста отца за нашим домом была установлена слежка.

Однажды поздно вечером я возвращался из школы. Было совсем темно. Подходя к дому, я заметил у ограды человека, заглядывавшего в наши окна. Услышав шаги, человек лег под забором. Дома я сообщил об этом деду. Дед — высокого роста, физически сильный человек — схватил свою тяжелую кизилую палку, с которой никогда не расставался, тихо вышел во двор и подошел к указанному мною месту. В ту же секунду из-под забора выскочил человек и бросился через забор, но в этот момент дед с большой силой хлестнул шпика палкой. Он вскрикнул и свалился по другую сторону забора. Возвратясь, дед сказал: «Думаю, что этот больше к нашим окнам не придет, да и другим закажет».

Спустя неделю отца этапом отправили в Бахмутскую уездную тюрьму. Вдоль тракта у железнодорожного переезда собралось много рабочих. Прежде чем провести арестованных через переезд, конные жандармы оттеснили рабочих. Я хотел было подойти к отцу, но конный жандарм преградил мне дорогу, тогда я пошел за конвоем, но тот же жандарм, пригрозив нагайкой, заставил меня вернуться.

Арест отца был для нас большим несчастьем. Он был единственным кормильцем в семье, которая состояла из 7 человек, кроме самого отца. Семья осталась без всяких средств к существованию. Но партийная организация и рабочие завода не оставили нас в беде. При каждой полчке рабочие собирали деньги и приносили их нам.

Так как кроме дорожных вещей при обыске ничего компрометирующего найдено не было, а других прямых доказательств революционной деятельности отца не обнаружили, то после почти годичного заключения в Луганской тюрьме отец был сослан на Дальний Восток под надзор полиции. Таким образом, весной 1910 года вся

семья приехала в Приморье. Мы обосновались на Сучанских угольных шахтах. Отец стал работать в шахте, но и здесь полиция не оставляла его в покое. Два раза в неделю к нам приходил полицейский, чтобы убедиться, не убежал ли отец. Только Февральская революция освободила нашу семью от «визитов» полиции.

Непосредственное мое знакомство с врагами произошло в мае 1918 года. Я в то время работал во Владивостокском окружном суде, где по заданию центрального бюро профсоюзов вместе с С. Я. Найдюковым и П. Е. Ивановым организовывал профсоюз.

Надо сказать, что к этому времени от восточных границ Маньчжурии на Гродеково повели наступление белогвардейские банды атаманов Калмыкова и Орлова. Для борьбы с ними были посланы отряды Красной гвардии. Образовался Гродековский фронт. Отряды Калмыкова и Орлова были разбиты. Но вскоре (29 июля 1918 года) против Советов выступила новая сила, спровоцированная англо-американскими империалистами, — чехословацкий корпус.

Владивостокский Совет был свергнут, а его руководители арестованы.

Вместе с чехами выступил союз фронтовиков, состоявший, главным образом, из офицеров царской армии, которые в день выступления чехословаков, по указке интервентов и при помощи контрреволюционного чиновничества, арестовывали большевиков, комиссаров учреждений, профсоюзных руководителей и активных сторонников советской власти. В числе таких чиновников был прокурор Владивостокского окружного суда Сошкин, который вел предательскую игру. Он в свое время подвизался во Владивостокском Совете и казалось, что если и не был полностью на стороне советской власти, то во всяком случае относился к ней лояльно.

В день выступления чехов этот двурушник и предатель сбросил с себя маску и вместе с союзом фронтовиков открыто выступил против советской власти, арестовал комиссара суда Бориса Похвалинского, председателя союза служащих суда и прокуратуры П. Е. Иванова, члена правления союза С. Я. Найдюкова и меня.

Я был арестован в здании суда, расположенном против здания штаба крепости, в тот момент, когда к штабу крепости подошли цепи чехов. В комнату на третьем

этаже, выходящую окнами на Вокзальную площадь, вбежал прокурор Сошкин с тремя вооруженными белогвардейцами и, направив на меня браунинг, крикнул: «Это большевик, ведите его».

Несмотря на то, что я никакого сопротивления не оказывал и не мог оказать, мне скрутили назад руки и увели в подвал здания. В это время начался бой между чехами, осадившими здание штаба крепости, расположенное против вокзала, и красногвардейцами, занимавшими это здание. Красногвардейцы долго защищались и вынуждены были сдать после того, как в окно первого этажа, где размещалась типография, были брошены гранаты и вспыхнул пожар. В городе начались аресты. Буржуазия торжествовала.

Пала советская власть, во Владивостоке образовалось самозванное Временное сибирское правительство, состоявшее из меньшевиков и правых эсеров в лице Агарева, Выхристового, Ходорова и других. Наступили дни реакции.

Рабочие Сучана, Никольска-Уссурийского, Спасска встали на защиту Советов, выступив против белочехов, двинувших свои войска вдоль линии железной дороги на гор. Никольск-Уссурийский. На помощь красногвардейским отрядам были переброшены части Красной гвардии, сражавшиеся на Гродековском фронте против белогвардейских банд атамана Калмыкова. Возник Уссурийский фронт.

По всему Приморью проходили митинги и собрания, на которых рабочие городов и поселков, крестьяне сел и деревень, матросы Сибирской и Амурской флотилий протестовали против провокационного выступления чехословацких войск, заявляли о непризнании «Временного правительства автономной Сибири», требовали освобождения арестованных членов Владивостокского Совета и восстановления советской власти, заявляли о готовности защищать завоевания социалистической революции до последней капли крови.

Стойко держались красногвардейские части, преграждая обученным и хорошо вооруженным чехам путь на Хабаровск; более того, они заставили их отступить. Тогда на помощь чехам пришли дивизии иностранных интервентов. Революционные части не смогли сдержать превосходящих сил противника и вынуждены были отступить.

4 сентября 1918 года наши революционные войска оставили Хабаровск.

Газета «Далекая окраина» 6 августа 1918 года опубликовала декларацию США, подписанную исполняющим должность морского министра Польком, в которой американское правительство заявляло, что оно в целях оказания экономической и культурной помощи русскому народу намерено послать в Сибирь комиссию в составе коммерсантов, экспертов по земледелию, советников по рабочему вопросу, представителей Красного Креста и агентов Христианского союза молодых людей, хорошо знакомых, как говорилось в декларации, с организацией лучших способов распространения полезных сведений и для оказания просветительной помощи.

Об американской просветительной помощи можно судить по поведению и действиям американцев. Так, например, «Вечерняя газета» от 18 ноября 1921 года писала: «В минувшее воскресенье пятеро американских матросов с американского радиотелеграфа на «Русском острове» явились на спектакль и танцевальный вечер в курзал Радкевича на Подножье (населенный пункт на «Русском острове»). Американцы были вдребезги пьяны и вели себя вызывающе. Во время спектакля американцы, все время державшиеся группой, сели во втором ряду, а ноги положили на спинки стульев первого ряда. Это обстоятельство вывело из терпения представителей администрации «Русского острова», к которым уже поступило несколько жалоб частных лиц. К американцам подошел представитель комендатуры «Русского острова» и по-английски предложил вести себя приличнее, так как имеются жалобы. Американцы ответили, что «плюют на всё русское и на русские законы в том числе...»

Все рестораны, шашлычные, кафе кишели нахальными, надменными и высокомерными янки, которые хозяйничали в нашем городе, как у себя дома.

Нередко пьяные матросы интервентов, обнявшись, целой шеренгой, преградив Светланскую — главную улицу города, шли, горланя песни, и никто не рисковал нарушить этот строй заморских дебоширов и хулиганов. «Безобразия, производимые американцами во Владивостоке, достигают совершенно нетерпимых пределов, — писала «Вечерняя газета» в № 31 от 4 июля 1921 года, — каждый вечер можно наблюдать группы пьяных, разнуздан-

ных матросов с их непосредственным начальством, ведущих себя в высшей степени развязно и хулигански.

Однако то, что произошло в последнее воскресенье на Светланской улице, переходит все пределы допустимого.

В вагон трамвая, наполненный возвращающейся с ипподрома публикой, с пьяными воплями ввалились два американца-моряка (судя по форме — унтер-офицеры американского крейсера). Грубо расталкивая публику, американцы стали приставать то к одному, то к другому из пассажиров, отмалчивавшихся и делавших вид, что они не замечают обращенных к ним нелепых выкриков.

Но американцы, по-видимому, во что бы то ни стало хотели вызвать скандал и, не довольствуясь нечленораздельными словесными приставаниями, стали грубо хватать одного из пассажиров руками. Возмущенный пассажир пытался отстраниться, но пьяные негодяи, видимо, только и ждали какого-либо проявления протеста и стали избивать его, изуродовав в один миг все лицо несчастного.

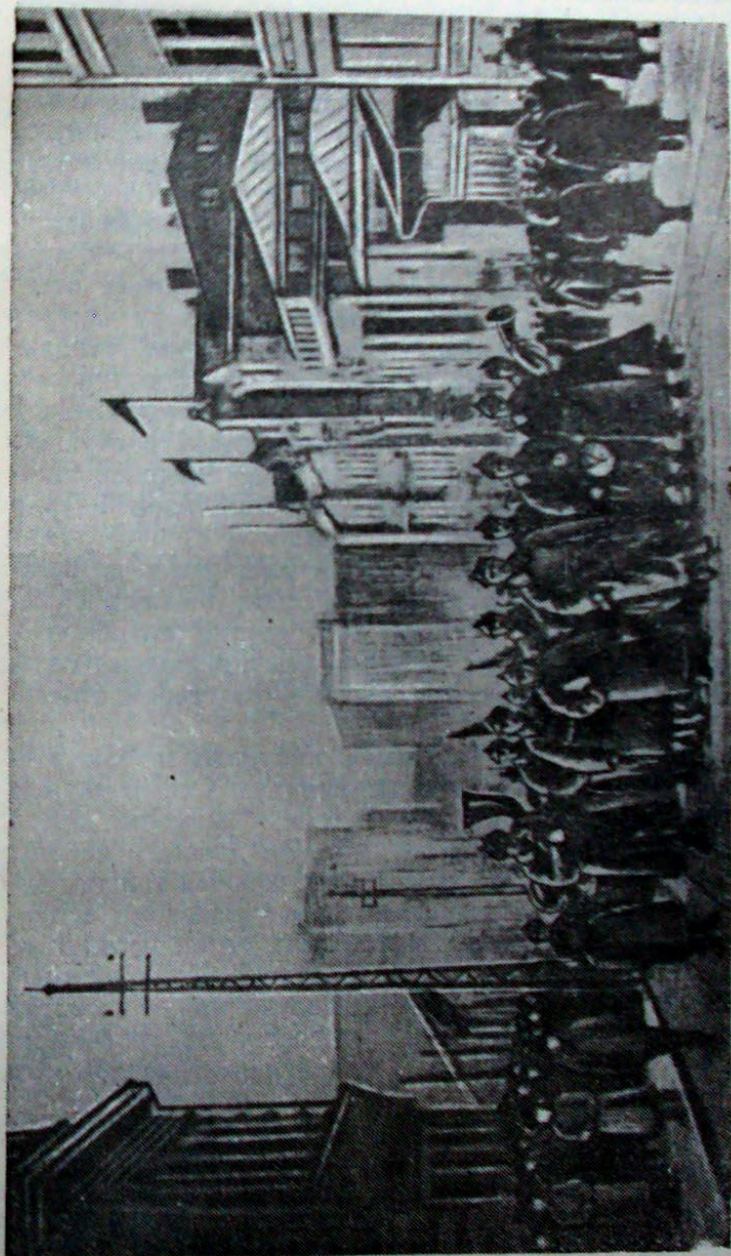
Вагон был остановлен, терроризированная и возмущенная донельзя публика и подоспевший милиционер пытались задержать хулиганов, но они, угрожая открытой стрельбой, быстро удалились. Растерявшийся же милиционер, очевидно, побоялся их преследовать.

Мы ждем немедленных и решительных мер расследования этого возмутительного случая как со стороны русских властей, так и американского консула.

Необходимо положить конец подобным безобразиям; ведь, слава богу, Владивосток еще не завоеван американцами».

Особенно глумились интервенты над корейским и китайским населением города. Однажды мне пришлось наблюдать дикую картину, когда группа пьяных американских матросов усадила своего товарища на рогульку, прикрепленную к спине китайца-грузчика для переноски тяжестей, и «наездник», сидя на спине китайца, ударами стека под хохот пьяной ватаги заставлял его бежать.

Как-то ехал я поездом из Владивостока на Сучан. В вагоне находилось два вооруженных японских солдата. На станции Угольной в вагон вошел с корзиной китайский торговец, который стал предлагать пассажирам свои товары. Один из японцев взял какой-то понравившийся ему предмет и хотел уйти, но китаец, улыбаясь,

Вступление Народно-революционной армии во Владивосток
25 октября 1922 года

напомнил ему об оплате за товар. Это обозлило японца. Он ногой отбросил корзину с товарами, а китайца-торговца с силой ударил дулом винтовки в живот. Китаец от сильного удара и боли упал, потеряв сознание, затем, придя в себя, застонал и долго не мог подняться с пола.

В ответ на кровавый террор колчаковских карательных отрядов рабочие и крестьяне Сучанской долины в феврале 1919 года первыми в области подняли вооруженное восстание.

Призыв сучанских партизан, воззвание Дальневосточного областного подпольного комитета РКП(б) к трудящимся области всколыхнули рабочих и крестьян всего Приморья; во всех селах и деревнях, в рабочих центрах области стали организовываться партизанские отряды. Отряды быстро росли. Не хватало оружия, боеприпасов. Счастливыми считались те, кто обладал трехлинейной винтовкой, большинство же партизан было вооружено берданками, винчестерами. Патроны для берданок изготавливали сами, динамит для фугасов, бикфордов шнур и запалы доставляли шахтеры Сучана.

Партизаны Тетюхе организовали мастерскую по изготовлению бомб, используя для этой цели динамит и старые консервные банки. Для изготовления патронов к трехлинейным винтовкам пользовались стреляными гильзами и пулями, которые отыскивались на старом стрельбище.

Оружие партизаны добывали в открытом бою или отбирали у зазевавшегося противника. Так, в апреле 1919 года один из шахтеров Сучана, Третьяков шел в партизанский отряд и нес динамит. По дороге в небольшой лощине, по которой бежал наполненный талыми водами ручеек, он неожиданно встретил японского солдата. Опасаясь, что японец его задержит, он набросился на самурая, выбил винтовку, повалил его, подтащил к ручью, ткнул головой в ручей. Через несколько минут японский солдат утонул. Перекинув через плечо трофейную винтовку, шахтер, довольный своей первой партизанской работой, пришел в отряд.

В конце апреля 1919 года разыгралось большое сражение партизан Сучана с крупными белогвардейскими силами генералов Смирнова и Волкова, которое завершилось победой партизан.

Готовясь к новым боям, необходимо было обуь и

одеть партизан. С этой целью в мае 1919 года казначей ревштаба И. П. Самусенко был направлен на Сучанский рудник для закупки в китайских магазинах обуви и мануфактуры.

Очевидно, по доносу Самусенко был схвачен американцами. Деньги и купленные товары американцы отобрали. Чтобы не допустить отправки И. П. Самусенко во Владивосток, партизаны тщательно следили за Сучанской железной дорогой.

Требование ревштаба к американцам освободить Самусенко не дало положительных результатов. Тогда ревштаб организовал поимку американских солдат в качестве заложников. Такая операция была проведена на реке Сучане. Партизаны захватили американского офицера, трех солдат и двух ишаков. Заложников доставили во Фроловку и поместили в доме крестьянина Власенко. В этом доме находился я и взятый в качестве заложника один из владельцев водочного завода Пьянков. Захваченных американцев хорошо накормили, для отдыха было принесено свежее душистое сено, были даны подушки и самотканые крестьянские одеяла. Утром американцам был предложен завтрак, состоявший из супа, яичницы, сметаны и чая. От супа и чая американцы отказались, так как чай был без сахара; яичницу и сметану съели с аппетитом. Чай был заменен молоком. Американцы требовали освобождения офицера и солдат, ревштаб требовал освобождения Самусенко. В конце концов ревштаб согласился отдать четырех американцев и двух ишаков за одного Самусенко. Обмен состоялся на реке Сице у деревни Ново-Веселая. Однако американцы так и не вернули отобранные у Самусенко деньги и купленные им товары.

В результате проведенной сучанскими партизанами большой подготовительной работы в конце ноября 1919 года, несмотря на присутствие на Сучане японского гарнизона, восстал 34-й полк белых. Все офицеры, за исключением поручика Овсянникова, присоединившегося к восставшим, во главе с командиром полка Фроловым были перебиты, полк в полном составе при четырех пулеметах системы «Гочкис» перешел на сторону партизан.

Из Сучанского партизанского отряда и перешедшего на сторону партизан полка был создан 1-й Дальневосточный советский партизанский полк, командиром кото-

рого стал один из организаторов подготовки восстания в 34 полку тов. Ильюхов.

В борьбе против белогвардейцев и интервентов принимали участие не только те, кто был в партизанских отрядах, но и те, кто оставался в городах, поселках и деревнях.

Крестьяне снабжали партизан продовольствием, одеждой, давали гужевой транспорт; медицинские работники лечили раненых и больных, обеспечивали медикаментами и перевязочными материалами; рабочие-железнодорожники сообщали о передвижениях противника, задерживали отправку военных грузов, ставили вагоны, груженные боеприпасами, в такие места, где из них можно было выгрузить боеприпасы для партизан; китайцы доставляли обувь и одежду, приносили сведения о противнике, давали шаланды для переброски людей, боеприпасов и продовольствия. Корейские крестьяне предоставляли партизанам свои жилища для отдыха и снабжали их продуктами.

31 января 1920 года во Владивостоке рабочие, под руководством большевиков, свергли власть генерала Розанова. Во время этого восстания 1-й Дальневосточный советский полк через горы и тайгу из Сучанской долины вышел в Шкотовский район и повел наступление на Шкотово. Большинство солдат белой армии Шкотовского гарнизона перешло на нашу сторону.

После свержения во Владивостоке власти ставленника Колчака генерала Розанова, вся полнота государственной власти в пределах Приморской области временно была передана Приморской областной земской управе.

Многие крестьяне, рабочие и солдаты спрашивали тогда, почему власть передается Приморской областной земской управе, а не Владивостокскому Совету? Советы в тот период созданы не были по ряду причин. Во-первых, из-за присутствия здесь значительного числа иностранных войск, особенно японских. Другая причина заключалась в оторванности Приморья от Советской России. Передача власти земству была переходной ступенью к советизации Приморья.

Трудным был второй этап борьбы приморских партизан с белогвардейцами и интервентами.

26 мая 1921 года во Владивостоке, в результате контрреволюционного переворота, поддержанного япон-

цами, образовалось так называемое меркуловское правительство.

Меркуловцы в знак благодарности японцам за оказанную помощь в захвате власти отдали им в полное владение естественные богатства нашего края. Японцы в Приморье, на Сахалине и Камчатке рубили леса, вылавливали рыбу, хищнически уничтожали пушного зверя, эксплуатировали нефтяные промыслы на Сахалине, за бесценок забирали ценные грузы из складов Владивостокского порта.

Ночью 28 мая я с группой рабочих при помощи рабочих-большевиков Дальзавода, проживавших в Рабочей слободке, перешел через сопки, отделявшие город от Уссурийского залива, в бухту Три Камня, где нас ждала шаланда корейских рыбаков. На этой шаланде через Уссурийский залив нас доставили на восточный берег залива, южнее деревни Петровки, оттуда через горы мы отправились в верховья реки Сучан, в деревню Фроловку, где началось формирование партизанских отрядов и подготовка к новой борьбе с интервентами и белогвардейцами.

Партизанские отряды возглавил один из организаторов партизанской борьбы в Сучанской долине в 1919 году бывший командир 1-го Дальневосточного советского партизанского полка Н. К. Ильюхов, в прошлом учитель деревни Хмельницкой, Фроловской волости.

В 1914 году Ильюхов был призван в царскую армию и после окончания Иркутской школы прапорщиков был направлен на Северный фронт. Не желая участвовать в войне, он бросил фронт и уехал в Приморье, где ранее жил и работал.

Обладая военными знаниями и организаторскими способностями, хорошо зная Приморье и хорошо разбираясь в политических вопросах, Н. К. Ильюхов был способен возглавить партизанскую борьбу в Сучанском районе.

В первые дни штаб партизанских отрядов находился в деревне Фроловке. Наряду с организацией отрядов в районе деревни Серебряной в горах строилась партизанская база, на которую нужно было перебросить через высокие перевалы и непроходимую тайгу оружие, снаряжение, боеприпасы, продовольствие, еще задолго до событий 26 мая 1921 года завезенные из Владивостока и временно хранившиеся в тайге и у крестьян.

Строительство так называемой Серебрянской базы, как и ряда других баз, вызывалось необходимостью иметь убежище для хранения запасов, а также для лечения раненых и больных партизан.

Выбор места для базы и ее строительство было поручено уполномоченному временного правительства областной земской управы по Сучанскому району, сучанскому шахтеру-коммунисту Захару Назаровичу Мартынову, который при помощи созданной им строительной бригады из 17 человек на лошадях вьючно перебрасывал грузы на Серебрянскую базу.

Серебрянская база была расположена в отрогах Сихотэ-Алинского хребта, в труднодоступной Приморской тайге, примерно в 15 километрах северо-западнее деревни Серебряной, на берегу горной речки.

База состояла из рубленого барака, крытого дранкой, с нарами в два яруса, рассчитанного на размещение 250—300 человек, пекарни с кухней, оборудованной русской печью и котлами для варки пищи, где можно было выпекать 10 пудов хлеба в сутки и покормить всех людей горячей пищей. В складе было выделено помещение для обслуживающих базу людей. Лазарет на 25—30 мест для большей безопасности был построен в стороне, метрах в трехстах от основной базы с отдельным помещением для медицинского персонала. Он был покрыт кедровой корой. Все помещения базы были оборудованы железными каминами.

Расположение базы было известно только ограниченному кругу лиц, и пользовались ею только в особо исключительных случаях.

База имела два подхода; один со стороны деревни Серебряной через седловину двух сопков. Этот подход охранялся постоянной заставой. Второй подход к базе начинался от деревни Мельники, проходил через деревню Тудагоу вдоль телеграфной линии, связывавшей Фроловку, Сучанского района, с селом Анучино.

Этот путь был более сложным, так как нужно было пройти 8—10 километров от телеграфной линии через цепь крутых гор и густые заросли тайги.

Серебрянская база имела телефонную связь с небольшой деревушкой Тудагоу, через которую проходила телеграфная линия, связывавшая Сучанский район с Анучинским, а также с Тетюхе и Ольгой. Эта телефонная

связь осуществлялась следующим образом. В одной из крестьянских изб деревни Тудагоу, расположенной близ телеграфного столба, в подполье стоял замаскированный полевой телефон, от которого провод, закопанный в землю, шел до телеграфного столба, затем по расщелине в столбе подходил к изолятору, где незаметно был подключен к линии. Таким же образом в телефонную линию был подключен другой провод, проложенный через крутые горы по вершинам деревьев от Серебрянской базы.

Так осуществлялась телефонная связь таежной партизанской базы, где с ноября 1921 года находился штаб партизанских отрядов Сучанского военного района, с Сучанской долиной.

Эта связь была строго засекречена, и ею пользовались только в особых, исключительных случаях.

В январе 1921 года 3-м отдельным батальоном под командованием И. З. Сидорова в глухой тайге, в 15 километрах от деревни Алексеевки, Сучанского района, в верховьях реки Малазы была построена другая более мощная база.

Эта база была построена из бревен, с печами, кухней, баней, пекарней. Она была рассчитана на 500 человек. При базе был оборудован госпиталь на 50 человек. На базу вьючно были завезены продукты и в том числе большое количество муки. Базу охраняла специальная команда, бойцы которой не имели права удаляться от нее далее установленной границы.

Эта база строилась в расчете на длительную партизанскую борьбу. Более мелкие базы были построены в разных местах Сучанского и Шкотовского районов.

Сучан занимали каппелевцы и японский гарнизон. Японцы укрепились на небольшой высоте, расположенной на окраине шахты № 2, оборудованной окопами, блиндажами, пулеметными гнездами, ходами сообщений и обнесенной проволочными заграждениями. Белогвардейский отряд разместился в Народном доме, который был обнесен колючей проволокой в несколько рядов.

В конце июля 1921 года командующий партизанскими отрядами Сучанского военного района Н. К. Ильюхов под видом командира народной охраны решил через начальника японского гарнизона на Сучане провести переговоры с японским командованием во Владивостоке о выводе из Сучана каппелевского гарнизона и вводе для

охраны Сучана и Сучанской железной дороги Приморского дивизиона народной охраны. Чтобы осуществить эту идею, нужно было предварительно связаться с начальником японского гарнизона на Сучане майором Нагасава и договориться с ним о встрече.

Для организации этой встречи в штаб японского гарнизона с поручением договориться о принципиальном согласии вести переговоры и назначении дня, места и времени, переодетый в форму командира дивизиона народной охраны, в первых числах августа 1921 года я был послан в японский штаб. Форма состояла из гимнастерки и брюк защитного цвета, на левом рукаве выше локтя был прикреплен красного цвета ромб, в нижней части которого были изображены лучи восходящего солнца. В верхней части размещены три белые поперечные полоски, что свидетельствовало о моем воинском звании.

Задача была сложная и опасная. Опасность заключалась в том, что я рисковал быть схваченным белогвардейским патрулем и заставами на подходе к Сучану или в самом Сучане. Если бы я благополучно добрался до японского штаба, то сами японцы могли меня арестовать и передать в руки белых.

Японская застава, стоявшая недалеко от Сучана, не остановила меня, приняв, очевидно, за каппелевца. Подойдя к японскому штабу, который был расположен за высокой, плотной дощатой оградой, я увидел за поворотом дороги двигавшийся мне навстречу конный белогвардейский разъезд; еще минута — и я был бы замечен белогвардейцами, но в этот момент я открыл калитку высокого дощатого забора, которая, к моему счастью, оказалась незапертой, и вошел во двор штаба японского гарнизона.

Закрыв калитку, я плотно прижался к забору. Белогвардейцы проехали, не заметив меня. Стоявший у наружной двери штаба японский часовой удивленно посмотрел на мое странное поведение и вызвал начальника караула, который и ввел меня в помещение штаба, затем явился переводчик, которому я представился как адъютант начальника дивизиона народной охраны и, изложив цель моего визита, просил доложить начальнику гарнизона.

Через тридцать-сорок минут явился адъютант начальника гарнизона, который через переводчика сообщил, что

начальник гарнизона занят и просил прийти через два дня.

Спустя два дня пришлось снова быть в стане врага. На этот раз адъютант начальника японского гарнизона сообщил, что начальник гарнизона может принять командира дивизиона народной охраны у себя в штабе через три дня.

В назначенный день Н. К. Ильюхов, я, кто-то из ответственных работников штаба, начальник Сучанской милиции Орлов, который, несмотря на занятие Сучана каппелевцами, все еще оставался на своем посту, и член Сучанского ревкома товарищ Бочкарев явились в штаб японского гарнизона.

С японской стороны в переговорах приняли участие: начальник Сучанского гарнизона майор Нагасава, три японских офицера и переводчик.

Японцы, с присущей им слащавой вежливостью, раскланялись с нами, затем предложили нам чай и сигареты. Выслушав заявление Ильюхова, предложившего вывести из Сучана каппелевские войска и передать охрану Сучанских рудников и Сучанской железной дороги частям дивизиона народной охраны, майор Нагасава заявил, что он самостоятельно решить этот вопрос не может и должен запросить главное командование во Владивостоке. Было установлено, что мы через 4 дня вновь посетим штаб японского гарнизона для окончательного решения вопроса о передаче охраны Сучанских рудников и узкоколейной железной дороги дивизиону народной охраны и выводе из Сучана каппелевского гарнизона.

По окончании переговоров майор Нагасава, слащаво улыбаясь, через переводчика передал, что он был бы очень рад в память о приятной встрече с командованием дивизиона народной охраны сфотографироваться. Тут же фотограф начал настраивать свой фотоаппарат. Понимая, что японцы захотели получить фотографию руководящего состава партизанских отрядов как для своей контрразведки, так и для белогвардейской, Ильюхов поблагодарил за столь «любезное» предложение и, сославшись на ограниченность времени, отклонил предложение майора, который выразил сожаление по этому поводу.

В то время, когда мы после переговоров добирались до шахты № 10, а там остановились на квартире одного из рабочих шахты, со стороны Сучана по направлению к

деревне Казанке спешным маршем с пулеметами двинулись отряды японцев. Японцы, очевидно, полагали, что мы не осмелимся прийти к ним без вооруженного прикрытия и где-нибудь поблизости скрыли наши отряды.

Ильюхов приказал мне связаться с японским штабом и заявить японцам, что если их войска посланы для нашего розыска, то мы незамедлительно вновь явимся в штаб.

Связавшись по телефону со штабом японского гарнизона, я передал японцам это заявление. Адъютант начальника гарнизона, с которым я разговаривал, ответил, что никаких розысков они не ведут, а продвижение в разных направлениях японских войск — обычное военное учение.

О своих переговорах с японцами я доложил Ильюхову, и как только стало смеркаться, окольными путями мы отправились в свою резиденцию в деревню Фроловку.

Положительного ответа о выводе каппелевского гарнизона из Сучана и передаче Сучанского рудника под охрану дивизиона народной охраны мы не ждали, но независимо от результатов переговоров по этому вопросу мы имели возможность официально посетить Сучан, что было очень важно с политической точки зрения в тот момент. Дело в том, что каппелевские солдаты под влиянием политических событий последнего времени уже не могли быть надежной опорой для временного Приамурского правительства. Они видели, что народ не поддерживает правительство, которое пришло к власти 26 мая 1921 года только благодаря вооруженной помощи японских интервентов; учитывая это, необходимо было всеми имеющимися средствами в еще большей мере оказать влияние на умы каппелевских солдат, склоняя их на сторону народа.

Пока шли переговоры с японцами, Сучанский ревком, по согласованию с руководством штаба партизанских отрядов, готовил демонстрацию рабочих Сучана и крестьян ближайших деревень, посвященную дню ДВР (Дальневосточной республики).

В воскресенье 11 сентября 1921 года Н. К. Ильюхов, я, два или три товарища из работников штаба отправились на Сучан. На шахте № 10 мы застали около двух тысяч рабочих с семьями и крестьян ближайших деревень, которые пришли по зову Сучанского ревкома и сою-

за горнорабочих, чтобы подтвердить верность правительству ДВР. С флагами ДВР и транспарантами, на которых было написано «Да здравствует ДВР!», «Долой самозванное меркуловское правительство!», демонстранты во главе с членами ревкома Аллилуевым и Бочкаревым двинулись на основную шахту № 2, где были расположены гарнизоны японцев и каппелевцев.

На площади против японского штаба колонна остановилась, к ней подошли рабочие шахт № 1 и 2. Как для японцев, так и для каппелевцев демонстрация трудящихся Сучана, видимо, была неожиданностью.

Многие каппелевские солдаты, находившиеся в это время вне гарнизона, явились по существу участниками этой демонстрации, так как толпа невольно втянула их в свою орбиту. Возник многолюдный митинг. Поднявшийся на какую-то возвышенность Н. К. Ильюхов обратился к участникам митинга и каппелевским солдатам с пламенной речью, в которой призывал не признавать власти капиталистов и спекулянтов братьев Меркуловых, бороться всеми силами и средствами за единственную законную, признаваемую всем народом власть правительства Дальневосточной республики.

Во время митинга японцы фотографировали Ильюхова и других товарищей, приезжавших к ним на переговоры. Речь Ильюхова как бы толкнула участников митинга на ратные действия. Рабочие с криками «Да здравствует ДВР!», «Долой самозванное правительство Меркуловых!» вдруг бросились к зданиям, где были вывешены трехцветные царские флаги, срывали их и устанавливали флаги ДВР. Каппелевским солдатам командование приказало немедленно явиться в расположение гарнизона.

Невооруженные рабочие всей массой бросились к Народному дому, в котором за проволочными ограждениями засели каппелевцы, чтобы снять со здания царский флаг, водрузить вместо него флаг ДВР и убедить каппелевских солдат перейти на сторону народа.

Когда демонстранты вплотную подошли к проволочным ограждениям, офицеры, установив пулеметы, готовы были встретить демонстрантов пулеметным огнем.

Чтобы не допустить расстрела безоружных рабочих, мы уговорили готовых броситься на пулеметы рабочих и крестьян Сучана отступить.

Эта демонстрация показала, что рабочий класс и крестьянство Сучана не желают признавать меркуловское правительство, очутившееся у власти при помощи японских штыков.

Вскоре после митинга на Сучане, по стратегическим и тактическим соображениям, штаб партизанских отрядов был перемещен из деревни Фроловки в деревню Мельники. Здесь же был расположен и 3-й отдельный батальон под командованием Сидорова и некоторые другие подразделения.

Партизаны обучались строю, тактике боя в условиях партизанской войны, изучая оружие, методы и приемы партизанской борьбы. Утром и вечером производилась поверка, которая обычно проходила на площади против школы. После поверки весь строй пел Интернационал.

В отличие от первого периода партизанской борьбы в 1919 году на втором этапе борьбы (1921—1922 годы) партизанские отряды уже имели собственные запасы продовольствия и обмундирования, однако были моменты, когда нужны были дополнительные источники, тогда приходилось облагать налогами кулаков, промышленную и торговую буржуазию. В Сучанском районе таким налогом был обложен торговый дом Чурина, который имел почти во всех крупных населенных пунктах Приморья торговые предприятия.

Несмотря на наличие больших сил интервентов и белогвардейцев в Приморье, их контроль распространялся только на узкую полосу железной дороги. Хозяевами долин были партизаны.

Белогвардейцы знали, что партизанские отряды имеют тесную связь с Владивостоком, но какими путями осуществляется эта связь, они не знали. Все предполагаемые каналы возможной связи ими тщательно контролировались.

В качестве контрольного поста между Владивостоком и Сучаном была станция Шкотово. Здесь белогвардейцы строжайше проверяли всех пассажиров, следующих по железной дороге с Сучана во Владивосток и из Владивостока на Сучан.

Несмотря на это, связь Владивостокской партийной организации со штабом сучанских партизанских отрядов осуществлялась регулярно и бесперебойно. Большую роль в этом важном и опасном деле сыграли комсомол-

ки Владивостока. Они, молодые, смелые и крепкие духом, подвергая свою жизнь смертельной опасности, через белогвардейские кордоны доставляли сучанским партизанам информацию и директивы партии, напечатанные на тоненьких полосках шелка или на папиросной бумаге.

Вспоминаю свою первую встречу с комсомолкой-связисткой. 29 июня 1922 года я из деревни Тудагоу выехал верхом в деревню Френцево, расположенную в километре от станции Сица, Сучанской рудничной железной дороги. Я должен был разведать возможность подключения телефонов к телефонным линиям, связывающим Сучан со станцией Фанза и другими станциями. Этим способом можно было получить полезные нам сведения. Моя поездка совпала с высоким подъемом воды в реках вследствие прошедших накануне сильных дождей. Горные речушки, казавшиеся в сухое время года безобидными, теперь несли бурные потоки холодных вод, которые на своем пути подмывали вековые деревья и уносили их в долину. У Хмельничанских щек, в узком ущелье, окаймленном высокими отвесными скалами, протяженностью около 5 километров между селами Бровничи и Хмельнички, Сучанского района, горная река Сица бесновалась. Большие усилия понадобились, чтобы заставить лошадь переправиться на левый берег Сицы. Дойдя до середины реки, лошадь была сбита с ног сильным течением, я очутился в холодной воде; винтовка, револьвер, патроны, гранаты и бинокль затрудняли борьбу с быстрыми и сильными потоками реки. Меня и лошадь понесло к скале. Еще несколько минут, и все было бы кончено, но в этот момент лошадь достала ногами дно, задержалась, а меня как раз поднесло к ней, я уцепился за хвост, лошадь сделала несколько усилий, и мы почти у самой скалы очутились на отлогом берегу.

До деревни Френцево оставалось около 15 километров таежного пути.

Уже стемнело, когда я подъехал к деревне. У поскотины я оставил лошадь в кустах, а сам огородами скрытно добрался до первого дома, где жила семья рабочего Гаркай.

Деревушка состояла всего лишь из одной улицы с девятью домами, большинство которых принадлежало рабочим и служащим Сучана. В этой же деревушке проживали и мои родные.

В доме Гаркай я узнал, что японцы, занимающие станцию Сицу, днем часто посещают деревню, ночью изредка проходит патруль, вообще же японцы боятся партизан и остерегаются далеко уходить от своего гарнизона. Так как мой приезд совпал с банным днем (с субботой), то мне было предложено вымыться в бане, на что я с удовольствием согласился. Баня была расположена в конце усадьбы на берегу небольшой речки. Вызвав к себе своего младшего брата и поручив ему разыскать в кустах мою лошадь, привести ее к себе во двор, расседлать и накормить, я отправился в баню.

Вдруг раздался выстрел, другой, третий, началась частая стрельба. Она приближалась, то стихая, то вновь нарастая. Всунув ноги в сапоги, схватив в руки одежду и оружие, я голый выскочил из бани. Был тихий лунный вечер, в сотне шагов от меня по направлению к бане шло несколько японцев. Заметив меня, они открыли беспорядочный ружейный огонь. Я бросился к речке, но руки были заняты одеждой и оружием, а крутой берег реки после прошедших дождей раскис, скользил и обваливался. С трудом после больших усилий мне все же удалось выбраться на противоположный берег и углубиться в заросли кустарника.

Неожиданное происшествие подсказывало, что необходимо немедленно убираться из этого района, но жаль было затраченного времени и энергии; обидно было, добравшись до цели, уезжать ничего не сделав, а тут еще верх взяло любопытство: что же произошло? Почему так неожиданно появились японцы?

Весь в грязи, заедаемый мошкой, я просидел в кустах около часа. Лошадь свою не нашел. Когда японцы ушли из деревни, а это я определил по прекратившемуся лаю собак, я ползком по огородам пробрался до улицы.

Несколько осмелевших мальчишек тенями двигались вдоль заборов улицы. Тихим свистом я привлек их внимание. От них я узнал, что брат, разыскав в кустах мою лошадь, усевшись в седло, стал въезжать на улицу. В это время по улице шел японский патруль. Заметив конного и со страха приняв его за партизанскую конницу, японцы рассыпались в цепь, открыли огонь. Стреляя, они стали отходить огородами. В этот момент я и наскочил на них, когда выбежал из бани. После переполоха, приведя себя в порядок, я зашел к своим родным и увидел там моло-

денькую девушку. Узнав, что я партизан, она обратилась ко мне с просьбой доставить ее в штаб отрядов для передачи поручения из Владивостока. Поскольку дело приняло такой оборот, я решил временно отказаться от дальнейшей разведки и с рассветом двинулся со своей спутницей в обратный путь. Дорога, по которой мы шли, змейкой поднималась на довольно крутой перевал.

Стрельба в деревне всерьез обеспокоила девушку. Всю ночь она думала, как обеспечить выполнение партийного поручения. Теперь мы были вне опасности со стороны Френцево, но впереди могли быть всякие неожиданности, поэтому нужна была особая осторожность и осмотрительность. Поднявшись на перевал, я усадил девушку в седло, и мы продолжали путь к селу Мельники.

Во второй половине дня я доставил связистку в штаб партизанских отрядов Сучанского военного района. Девушка оказалась владивостокской комсомолкой Надеждой Лымарь. Она привезла нам ценную информацию Владивостокской партийной организации.

Позже я узнал, что вскоре после нашего ухода из Френцево японцы окружили деревню и произвели повальный обыск во всех домах. Некоторых крестьян избili, подозревая их в связи с партизанами.

Нужно признаться, что в истории с японским патрулем с моей стороны была допущена непростительная опрометчивость. Нельзя было рисковать оставаться в деревне почти до рассвета, рассчитывая только на то, что японцы напуганы и не осмелятся войти в деревню ночью. Японцы могли в любую минуту окружить деревню, и все могло кончиться очень печально и для меня и для Нади Лымарь. Деревню нужно было оставить немедленно или ждать утро в тайге.

Не раз после этого Наде приходилось по поручению Владивостокской партийной организации, рискуя жизнью, пробираться через белогвардейские кордоны, чтобы доставить партизанам в сопки ценную информацию или важную директиву.

Таких, как Надя Лымарь, было много. Они были верными помощниками нашей большевистской партии в тяжелые годы борьбы за власть Советов в Приморье.

Летом 1922 года отрядом особого назначения, которым командовал А. С. Аллилуев, был захвачен поручик офицерской роты Сучанского гарнизона каппелевцев

Дружинин. В день его захвата проходил волостной съезд Советов Фроловской волости. Дружинин заявил съезду, что он осознал свои политические заблуждения и давно уже намеревался перейти на сторону революционного народа и тем искупить свою вину.

Штаб отряда находился в небольшой деревушке Тудагоу, куда и был доставлен Дружинин в мое распоряжение. Несмотря на раскаяние, я не доверял Дружинину и установил за ним постоянное наблюдение. Мое недоверие Дружинин чувствовал и вскоре мне это высказал. Он просил дать ему любое ответственное поручение, выполнением которого он смог бы доказать свою преданность и искренность. Штабу партизанских отрядов Приморья в Анучино потребовались лошади для артиллерии, нам было дано задание достать лошадей на Сучане. Конюшни, где стояли лошади, были расположены недалеко от каппелевского гарнизона и охранялись каппелевцами. Дружинин знал расположение конюшен и постов. Показать партизанам подходы к конюшням и указать месторасположение постов — такая задача и была мною поставлена перед Дружининым. Операция была проведена блестяще. Полтора десятка лучших лошадей были уведены из-под самого носа белых.

Второе задание Дружинину состояло в поимке шпионов и предателей, которые выдавали белогвардейцам рабочих Сучана, имевших связь с партизанами. И это задание Дружинин выполнил.

Вскоре на окраине Сучана, опять-таки при содействии отряда особого назначения, был захвачен еще один офицер из офицерской роты. У меня созрела мысль, имея в качестве заложника этого офицера, рискнуть дать Дружинину более ответственное задание. Я было начал уже доверять ему.

Задача состояла в том, чтобы Дружинин с пятью партизанами пробрался в расположение гарнизона белых и захватил начальника белогвардейского гарнизона на Сучане генерала Викторова.

Задание мое Дружинин принял с удовлетворением. Несмотря на ответственность и опасность поручения, я все же не выдал Дружинину оружия. В течение трех дней от экспедиции не было никаких вестей. К исходу четвертого дня в штаб прибежал раненный в руку рабочий Сучана, который рассказал, что на руднике появился

офицер Дружинин и под его руководством производятся аресты рабочих, которых он видел в партизанском штабе. «Когда меня арестовали и повели в белогвардейский штаб, — рассказывал рабочий, — я бросился бежать. Белогвардейцы открыли огонь и ранили меня в руку».

Позже было установлено, что посланная мной группа партизан, не доходя до Сучана, оставила партизана Фалькова и Дружинина у горной речки и отправилась в разведку. Тем временем у речки произошло следующее: партизан Фальков решил напиться и передал винтовку Дружинину. Когда поднялся, то увидел Дружинина, державшего винтовку на изготовку. Силой оружия офицер заставил Фалькова идти в штаб белогвардейского гарнизона. Белогвардеец остался белогвардейцем. Дружинин решил выслужиться перед генералом, не задумываясь над судьбой своего товарища, оставшегося у нас заложником.

Вскоре нам стал известен день отъезда офицерской роты из Сучана. Было решено взорвать поезд с белогвардейцами, для этого приготовили три фугаса. Я шифровкой запросил командующего партизанскими отрядами Приморья Вольского, находившегося в Анучино, разрешить мне лично провести эту операцию, но мне было запрещено оставлять штаб и рекомендовалось послать для этой работы группу партизан, что я и сделал. К сожалению, я не помню фамилий партизан, участвовавших в операции.

Этой группе партизан, в количестве 9—10 человек, мной были даны подробные инструкции и указано наиболее удобное место взрыва. Это место отличалось тем, что поезд шел под довольно большой уклон, развивая большую скорость. В конце уклона был расположен деревянный железнодорожный мост.

Сведения были точны. Белогвардейцы ехали в небольших открытых железных вагончиках узкоколейки, трусливо всматриваясь в окружающие сопки. Партизаны застыли за индуктором, вот поезд взошел на фугас... Поворот ручки индуктора... Поезд, постукивая колесами, продолжал свой путь. Индуктор не сработал. Враг, причинивший столько горя населению Сучана, уходил безнаказанным. Но затрещали торопливые выстрелы, меткие пули настигали уходивший поезд, сражая белогвардейцев.

В начале ноября 1921 года командование партизанскими силами Приморья готовило концентрированный удар по гарнизонам интервентов и белогвардейцев, расположенных в низовьях реки Сучана. С этой целью из Анучинского района в Сучанский было переброшено несколько партизанских отрядов и два горных орудия системы «Гочкис».

В первой половине ноября 1921 года партизанские отряды Сучана, усиленные отрядами, прибывшими из Анучинского района, численностью до 1200 человек, под командованием Вольского ночью повели наступление на гарнизоны белых, расположенные в низовьях реки Сучана. Между деревней Краснополье и корейской деревней Николаевкой застава белых неожиданно открыла огонь по нашей передовой колонне. Произошло замешательство, близкое к панике. С трудом удалось остановить партизан, а затем и выбить белых. С рассветом начались бои. Значительное превосходство сил противника заставило наши отряды начать отход в верховья реки Сучана, а затем в горы.

Интервенты и белые начали наступление крупными силами одновременно на Сучан, Анучино и другие партизанские районы. Тыловой штаб партизанских отрядов Сучанского военного района оставался в деревне Мельники. На другой день после начала наступления выпал снег, температура понизилась до 12 градусов. Наступила зима.

К вечеру того же дня наша застава из деревни Казанки сообщила, что она снимается, так как противник подходит к деревне.

Положение было критическим. В моем распоряжении было всего несколько десятков бойцов и 15 человек больных и раненых партизан, которые находились в деревне Александровке (в 4 километрах от тылового штаба); враг находился примерно в 12 километрах от деревни Мельники, и наступления его на Мельники можно было ждать каждую минуту. Чтобы отвлечь противника от преследования наших отрядов, прибывший в тыловой штаб Н. К. Ильюхов предложил из имеющихся людей сформировать небольшой отряд и направить его в тыл врага. Отряд был сформирован и под командованием Ильюхова начал действовать. В моем распоряжении осталось около сорока человек. Непрерывно, днем и ночью

неся охранение, люди настолько устали, что засыпали на постах, а пополнения ждать было некуда, нужно было решать вопрос эвакуации больных, раненых и имущества. Ночью больные и раненые были отправлены на лошадях через горы на Серебрянскую базу.

В день наступления интервентов и белогвардейцев на Анучино командование партизанскими силами Приморья по телефону уведомило меня о том, что для отрядов, действующих в Сучане, по виноградовой тропе на деревню Мельники вьючно на лошадях отправлено несколько сот овчинных полушубков и столько же шапок.

Сопровождающие караван не знали о начавшемся большом наступлении белых и интервентов по всей области и спокойно двигались к деревне.

Чтобы предотвратить захват каравана белыми в случае их наступления на Мельники, выше деревни Тудагоу мы поставили заслон. Пятнадцать оставшихся партизан взяли динамит и вышли навстречу каравану.

Встретив караван, мы перенесли обмундирование в горы и засыпали его снегом, а затем, доставив динамит на базу, возвратились и в течение нескольких дней переправляли полушубки на Серебрянскую базу.

На базе мы начали подготовку к нападению на Сучанскую железную дорогу, ставя основной задачей прекратить перевозку угля с Сучана во Владивосток. В начале декабря 1921 года после предварительной разведки я с небольшим, примерно из сорока человек отрядом, в котором были в большинстве пожилые рабочие Сучана и железной дороги, вечером прибыл в Серебряную, а затем отправился к станции Тигровая. Здесь, разбив отряд на две части, одну поручил пожилому шахтеру Сучана Камзюку с задачей взорвать водокачку на станции Тахэ, которая охранялась белогвардейцами, со второй частью отряда отправился на станцию Держаново, охранявшуюся японцами.

Задача была выполнена. Обе водокачки были уничтожены. Отправка угля во Владивосток была приостановлена.

Вскоре на базу пришли наши отряды. Все были одеты в теплые полушубки. Здесь они отдохнули от тяжелых боев и походов. Партизанские отряды ушли на новые операции в Шкотовский район.

Белогвардейцы и японцы не раз пытались прорвать-

ся к Серебрянской базе. С этой целью 19 декабря 1921 года отряд белогвардейцев обошел сопками деревню Серебряную и на рассвете, рассчитывая захватить партизан, атаковал ее, но белогвардейская операция не удалась. Наш отряд под командой тов. Ильюхова еще вечером оставил деревню и до утра оставался в корейских фанзах, расположенных в нескольких километрах от Серебряной. Рано утром наша разведка донесла, что Серебряная занята белогвардейцами.

Вскоре мы подошли к деревне. Завязался бой, в результате которого белые были выбиты из деревни. В том же месяце под Серебряной в течение нескольких часов длился бой с крупным отрядом японцев, который закончился только с наступлением темноты. В этом бою был ранен в плечо прибывший из Владивостока в штаб партизанских отрядов член владивостокской подпольной организации В. П. Шишкин (Володя Маленький) и Страутник, который был ранен в голову. Страутника мы нашли только на другой день утром с обмороженными ногами.

В тяжелые дни, когда вся Сучанская долина была занята белыми и японцами, Серебрянская база являлась местом, где была сосредоточена работа по руководству партизанской борьбой. Здесь находились члены Военного Совета партизанских отрядов Приморья: А. Флегонтов, К. Пшеницын, В. Кручина и другие. Отсюда осуществлялось руководство партизанским движением, закончившимся полной победой над белогвардейцами и интервентами в октябре 1922 года.

*Для меня Россия — не пустой
звук. Это моя Родина! А вокруг —
мои земляки, многим из которых
приходится намного трудней,
чем мне. Важно это понимать,
а не жить только собой.*

А. Г. Хохлов (Я. И. Колотиллов),
бывший подпольщик.

ПЕРВЫЙ УСПЕХ

В конце января 1919 года в Анучино прибыли красногвардейцы, в их числе и автор настоящего воспоминания.

История прибытия этих товарищей в Анучино такова. «Эшелон смерти» после долгих скитаний по Сибири попал в Никольск-Уссурийский. Здесь, пользуясь благоприятным моментом, некоторые заключенные сумели бежать и скрыться. Сначала они попали в село Раковку, что в 18 километрах от Никольска-Уссурийского, к бывшему учителю Кириллу Петровичу Степаненко, который собирал вокруг себя бежавших «эшелонников», готовя из них первых застрельщиков восстания.

Живя на положении «кротов» в селе Раковке и физически окрепнув после всех прелестей в «эшелоне смерти», мы (Петров, Жуков, Старовойтов, Сабанов и я) начали работать сначала дровосеками на лесозаготовках, а потом батраками у местных крестьян. Через некоторое время мы стали настойчиво требовать у Степаненко пустить нас в дело. Нужно сказать, что у К. П. Степаненко в Никольске-Уссурийском была хорошая связь с подпольной организацией, которая решила нас использовать, как наиболее надежных людей, в подготовке восстания в Анучино.

Временные свидетельства на жительство (конечно, на

ВПЕРЕД К ПОБЕДЕ

Вот он, новоявленный монарх — «царевича Дитерихса», окруженный черной стайей присяжных приспешников из выслужившихся у Колчака генералов Смолина, Пелельяева, Молчанова, адмирала Старка и духовного отца владивостокской церкви.

Они с благословения приморских попов измываются над рабочими, арестовывают их и отправляют на канонерку «Маньчжур», откуда после мучительных пыток выбрасывают в Амурский залив. И только морские волны возвращают

из пучины вод обезображенные трупы. Воевода земской рати, вилотную придвинувшись к нашим границам, одновременно формирует и вооружает банды в Маньчжурii, угрожая мирной жизни нашей республики.

Приморские монархисты идут под лозунгом «За веру, царя и отечество», чтобы привести Россию к полному бесправию, расстрелам и застенкам.

Приморские монархисты хотят праздновать кровавый пир не на канонерках Владивостокского порта, а в стенах Московского Кремля.

Этому не бывать, безвозвратному нет возврата!

Крепостной строй, барщину и дом Романовых в России больше не возродить.

На долю Народно-революционной армии и всех трудящихся России выпала боевая задача: стальной стеною штыков и сабель встретить рать земских бандитов.

Не жалея жизни за правое дело трудящихся, Народно-революционная армия

понесет свои боевые знамена к берегам Тихого океана и водрузит красный стяг во Владивостоке.

Товарищи бойцы, моряки, командиры и комиссары! Помните, что лучшим дипломатом в Генуе и Гааге были сила и мощь Красной Армии. Лучший дипломат в Чанчуне — это сила и мощь Народно-революционной армии.

Готовьтесь к решительным боям! Красные партизаны, рабочие и крестьяне Приморья ждут вас!

Выше знамена! Да здравствует победа!

Фото с плаката, выпущенного Политическим управлением НРА в 1922 году.